

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ М. ОСОРГИНА

З. Шаховская Из книги "ОТРАЖЕНИЯ"

Впервые встретилась я с ним у Ремизова и, как уже упомянула, смущенья перед ним не почувствовала. Это был какой-то "приятный" человек, держащий себя просто, безо всякой писательской ужимки. Затем встречалась с ним и в редакции "Родной земли", читала его "огородные статьи" в "Последних новостях", он там как-то лирически описывал свое сидение на земле, по которому у русского человека всегда ностальгия. И роман "Сивцев Вражек", - на этой улице я родилась, - и "Свидетель истории", все это в стиле лирического импрессионизма, а итальянские его очерки, вышедшие в книге под названием "Там, где был счастлив", сродни воспоминаниям об этой стране Б. К. Зайцева.

Книги и статьи Осоргина русской эмиграцией читались с удовольствием - они не беспокоили ее трагической современностью, но утешали напоминанием о более светлом прошлом. И говорил Осоргин не громко, не авторитетно, с какой-то приятной теплотой. Кажется, у Ремизова услышала я его рассказ о какой-то студенческой революционной коммуне его молодости, не помню где, в деревенской глуши. Готовились сии студенты обоего пола к террористической деятельности и очень много говорили и спорили по политическим и социальным вопросам. Коммуне помогала своим житейским опытом и хозяйственными навыками приходящая прислуга-крестьянка, что уже довольно примечательно.

Однажды перед будущими террористами встала необходимость зарезать петуха для обеда. Любителей на это как-то не нашлось, пришлось метать жребий. Вытянувший его взял без энтузиазма кухонный нож и пошел ловить свою жертву. Зажмурив глаза, он нанес петуху удар - но окровавленная птица вырвалась и начала бегать по саду. С отвращением и ужасом насильники бросились ловить петуха, бледные, девушки уже в слезах. Палач уронил свой нож! И неизвестно, как бы все это окончилось, если бы не пришла в это время прислуга. С презрением посмотрев на растерявшихся террористов, баба в одну минуту поймала петуха и, свернув ему шею, прикончила его страданья.

В. Яновский Из книги "ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ"

Совершенно равнодушно прошел я мимо некоторых признанных писателей земли эмигрантской (а теперь, пожалуй, советской).

Куприн, Шмелев, Зайцев. Они мне ничего не дали, и я им ничем не обязан.

Бориса Зайцева я все же изредка встречал. Отталкивало меня его равнодушие - хотя и писал он как будто на христианские темы. Стиль его "прозрачный" поражал своей тепловатой стерильностью. Зная немного его семейную жизнь и энергичную жену, думаю, что Борис Константинович в чем-то основном жил за чужой, Веры Александровны, счет.

В 1929 году мне было двадцать три года; в моем портфеле уже несколько лет лежала рукопись законченной повести - негде печатать!.. Вдруг в "Последних новостях" появилась заметка о новом издательстве - для поощрения молодых талантов: рукописи посылать М. А. Осоргину, на 11-бис, Сквер Порт-Руаяль.

А через несколько дней я уже сидел в кабинете Осоргина (против тюрьмы Сантэ) и обсуждал судьбу своей книги: "Колесо" ему понравилось, он только просил его "почистить". (Подразумевалось - "Колесо Революции".)

Михаил Андреевич тогда выглядел совсем молодым, а было ему, вероятно, уже за пятьдесят. Светлый, с русыми, гладкими волосами шведа или помора, это был один из не многих русских джентльменов в Париже... Как это объяснить, что среди нас было так мало порядочных людей? Умных и талантливых - хоть отбавляй! Старая Русь, новый Союз, эмиграция переполнены выдающимися личностями. А вот приличных, воспитанных душ мало.

Мы с Осоргиным играли в шахматы. По старой привычке он при этом напевал арию из "Евгения Онегина": "Куда, куда, куда вы удалились?"... Играл он с энтузиазмом.

Чтобы достать шахматы с верхней книжной полки, Осоргину приходилось с усилием вытянуться, хотя по европейским понятиям был он роста выше среднего; его молодая жена, Бакунина, тогда неизменно восклицала: